

Д.В. Чирва

МОГУТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ МЫСЛИТЬ? КОНЦЕПЦИИ ЛИНГВИЗМА, ИНТЕРПРЕТИВИЗМА И ПРОТОЛОГИЦИЗМА*

Чирва Дарья Викторовна – ассистент. Национальный исследовательский университет ИТМО. Российская Федерация, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49; e-mail: dashachirva@gmail.com

Целью статьи является обозначение основных существующих в настоящий момент траекторий ответа на вопрос, в каком смысле возможно утверждать, что животные разумны и способны мыслить. Современные дебаты на тему мышления и разумности животных представляют собой новый материал для отечественных исследователей. Сложность разработки вопроса о мышлении животных связана с наличием лингвистического барьера между людьми и другими живыми существами. Отсутствие языковой способности в рамках классической философии являлось свидетельством неразумности. В статье анализируется аргумент Дэвидсона в поддержку данной позиции, построенный с опорой на базовые положения его концепции лингвистического холизма. Наряду с негативным решением вопроса о мышлении животных автор выделяет в качестве значимых два положительных подхода. Во-первых, это интерпретивизм Д. Джеймисона, основывающийся на перспективах второго и третьего лица в процессе интерпретации, хотя и отрицающий сущностное отличие процессов понимания поведения человека и животного. Во-вторых, это концепция протологики Х.Л. Бермудеса. С точки зрения автора статьи, этот подход представляет наибольший интерес для развития данной тематики исследований, поскольку Бермудес не редуцирует вопрос о мышлении животных к особенностям мышления человека, демонстрируя теоретическую возможность существования мышления вне репрезентативной системы языка посредством поиска эквивалентов для разделительного умозаключения, гипотетического силлогизма (*modus ponens*), рассуждения от противного (*modus tollens*). Как заключает автор, именно концепция Бермудеса создает основу для дальнейшего философского исследования вопроса о мышлении животных.

Ключевые слова: мышление животных, мышление, лингвистический барьер, язык, интерпретивизм, протологика, Бермудес, Глок, Джеймисон, Дэвидсон

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–311–20004 «Эпистемологический потенциал функционального и нейробиологического подходов к исследованию интенциональных актов».

Для цитирования: Чирва Д.В. Могут ли животные мыслить? Концепции лингвизма, интерпретивизма и протологицизма // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 4. С. 37–51.

Введение

Значительную часть окружения человека сегодня составляют механизмы и животные. Исследование первых сформировало теорию классического естествознания в период Нового времени. Любое исследование поведения животных всегда оказывается проблематичным, поскольку осуществляется в рамках своеобразной вилки между двумя крайними позициями: антропоморфизмом и механицизмом. Соответственно, поведение животных интерпретируется таким же образом, как и поведение людей, или животные понимаются как своего рода биологические автоматы, которым недоступна область сознательных смыслов и которые действуют на основании заложенных в них генетических программ. В целях исключения чрезмерной антропорфизации в зоологии в качестве регулирующего нормативного принципа применяется канон Моргана. Он предполагает воздержание от психологических объяснений поведения животных до тех пор, пока не исчерпаны возможности объяснения поведения без допущения существования ментальных причин. На самом деле объяснять поведение в терминах убеждений и желаний – задача более простая по сравнению с процессом поиска инструментальных причин, обуславливающих те или иные действия животного. Становление научности познания, в том смысле термина «научность», в котором и философия научна, проходило под знаком избавления от человеческой способности вменять сознание, разум окружающим явлениям. Отказ от различных форм анимизма и антропоморфизма свидетельствовал о прогрессе научности и растущей силы человеческого познания¹. В настоящий момент успех науки настолько очевиден, что наступил период рефлексии и распространение получило воззрение, в рамках которого происходит присвоение сознательности и разумности живым существам, отличным от человека².

В этологии существует несколько основных экспериментальных парадигм для поиска ответа на вопрос, обладают ли животные рациональным мышлением, обусловлено ли их поведение комплексами убеждений и желаний. Представление о преимуществах той или иной экспериментальной парадигмы находит подтверждение скорее эмпирическим путем. Однако любой подход основывается на общих теоретических предпосылках. Они составляют предмет метаисследования, представляющего интерес уже не только для зоопсихологов и этологов, но и для профессиональных философов. Основной вопрос, поиском ответа на который занимаются участники дебатов на данную тему, таков: «Каким условиям должно удовлетворять поведение животного, чтобы у нас были основания признавать его рациональным?».

Работа в этом направлении начинается с прояснения понятий «рациональность», «желание», «убеждение» в контексте вопроса о разумности

¹ Подробнее о данном подходе к научности см.: Jamieson D. Science, Knowledge, and Animal Minds // Proceedings of the Aristotelian Society. 1998. Vol. 98. P. 79–102.

² Стоит отметить особый вклад в популяризацию достижений когнитивной этологии М. Бекоффа и Ф. де Вааля: Бекофф М. Эмоциональная жизнь животных. СПб., 2010; де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М., 2017.

животных³. Данная дискуссия, с одной стороны, имеет значение для определения границ рациональности. Ведь исторически, начиная с Аристотеля, в европейской философской традиции речь идет о человеке именно как о «разумном животном». Выявление способности действовать на основании разумных причин у других видов оказывает существенное влияние на эпистемологию. С другой стороны, вопрос о том, обладают ли рациональностью животные, имеет не только эпистемологический интерес. Его решение отразится на нормах этики и права.

В течение последних пятидесяти лет дискуссия о разумности животных ведется в рамках трех исследовательских областей: философии сознания, философии действия и философии языка. Категория, объединяющая их, – интенциональность. Допуская ее наличие в действиях животного, мы тем самым получаем основание утверждать, что его действия определяются ментальными причинами, т.е. убеждениями и желаниями. Их наличие в свою очередь позволяет применить для анализа действий категории рационального и иррационального.

В задачи данной статьи входит описание и анализ трех траекторий ответа на вопрос о том, мыслят ли животные, можем ли мы характеризовать их поведение как рациональное. Введение в данный круг теоретических проблем представляет интерес для русскоязычных читателей, поскольку вопрос о мышлении животных не подвергался тщательной разработке в отечественной философской традиции в такой же степени, как в зарубежной⁴. В данной статье автор проанализирует подходы трех авторов: Дональда Дэвидсона, Дейла Джеймисона и Хосе Луиса Бермудеса. Как в круге вопросов о сознании точкой отсчета для исследования становится позиция дуализма, наиболее четко и ясно сформулированная Р. Декартом в XVII в., так и в исследованиях рациональности животных сегодня невозможно обойтись без работы Дэвидсона. Основные результаты его работы по этому вопросу изложены в двух небольших текстах: главе «Мышление и речь» из книги 1984 г. «Истина и интерпретация»⁵ и статье «Разумное животное?»⁶. Теория рациональности Дэвидсона представляет собой золотой стандарт в сфере философских исследований мышления животных. Джеймисон и Бермудес в своих проектах стремятся выйти за рамки ограничений, накладываемых теорией Дэвидсона, ищут способы поставить под сомнение основные принципы его аргументации⁷.

³ В рамках данной статьи термин «животное» обозначает представителей всех животных видов за исключением представителей вида *Homo Sapiens*.

⁴ Среди философских статей, посвященных проблематике мышления животных на русском языке, в настоящий момент читателя можно отослать к исследованию по философии Нового времени А.В. Карабыкова (*Карабыков А.В. Проблема «языка» и мышления животных в философских доктринах начала Нового времени // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 35–41*), к разделу «Дискуссии» журнала «Философия» № 4 за 2018 г., отрывающемуся статьей Ю.В. Горбатовой (*Горбатова Ю.В. (Без)думные твари: что значит «мыслить» и нужен ли для этого язык // Философия. 2018. Т. II. № 4. С. 93–106*).

⁵ Дэвидсон Д. Мышление и речь // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003. С. 221–243.

⁶ Davidson D. Rational Animals? // *Dialectica*. 1982. Vol. 36. No. 4. P. 317–327.

⁷ Концепция Дэвидсона подвергалась критике не только Джеймисоном и Бермудесом. Свои контраргументы в отношении лингвистического подхода к мышлению предлагали также К. Аллен и М. Бекофф, Х.-И. Глок, Р. Лёрц, К. Макгинн, Р. Милликан, Дж. Сёрл.

1. Лингвистический подход Д. Дэвидсона

Дэвидсон, американский философ языка и сознания, начинает исследование разумности животных с вопроса «может ли существовать мышление без речи?»⁸. К положительному ответу нас склоняют различные ситуации, в которых мы наблюдаем действия животных, как будто соответствующие определенной логике. Так, Дэвидсон ссылается на пример Нормана Малкольма с собакой, которая, преследуя в лесу белку, загоняет ее на дерево, лает под ним. Тем временем белка незаметно для собаки перепрыгивает на другое дерево. Увидев такую картину, мы с легкостью допускаем, что пес лает, поскольку убежден в присутствии белки на том дереве, где он ее видел мгновение назад⁹. Однако, по мнению Дэвидсона, это заключение является следствием установки антропоморфизма. Удовлетворительного обоснования оно не имеет. Существует ли теоретическая возможность обосновать такое заключение? Дэвидсон дает развернутый ответ на основе холистической теории значения, развиваемой им вслед за У. Куайном¹⁰.

Мы допускаем, что какое-либо существо мыслит, если его поведение может быть интерпретировано, т.е. охарактеризовано как интенциональное. В нашем языковом описании используются психологические глаголы (такие как, например, «знать», «верить», «желать»), после которых следует предложение, вводимое с помощью союза «что». Мы приписываем существу состояния, обозначенные таким глаголом. Например: «Кот ведет себя так, будто убежден, что я сейчас исчезну из дома вместе в большим чемоданом, стоящим у двери». Глаголов, обозначающих психологические состояния, в языке множество: быть убежденным, надеяться, верить, ожидать. В качестве фундаментального типа мысли Дэвидсон выделяет убеждение, поскольку для того, чтобы радоваться тому или помнить о том, что лето наступит, прежде всего необходимо иметь убеждение, что лето наступит. Существенным и несомненным для Дэвидсона является тот факт, что мысль о наступлении лета возможна только в связи со множеством других убеждений. Следовательно, первая выделяемая им характеристика мысли такова: мысль обладает определенностью благодаря занимаемому ею месту в логическом и эпистемическом пространстве всей системы убеждений. Так, убеждение в том, что лето наступит, связано с убеждениями, что существует цикличность в смене времен года, существуют периоды времени, отличающиеся относительным постоянством погоды, летом мы имеем возможность видеть солнце чаще, чем осенью, и т.д. Данная система убеждений не может быть эксплицирована полностью, поскольку она практически соразмерна всему объему возможных мыслей и изменяется со временем. Вторая характеристика мысли, согласно Дэвидсону, заключается в том, что сама мысль автономна по отношению к убеждению. Наличие мысли еще не означает, что в ее отношении сформировано убеждение.

Определив отличительные особенности мысли, Дэвидсон переходит к следующему шагу развертывания своего аргумента, вводя фигуру переводчика (*interpreter*), того, кто наделяет смыслом высказывания другого.

⁸ Дэвидсон Д. Мышление и речь. С. 221.

⁹ В данном тексте используется термин «убеждение» для перевода термина *belief* с английского на русский язык.

¹⁰ Куайн У. Слово и объект. М., 2006.

«Субъект не может иметь мыслей, если он не переводит речь другого»¹¹ – вот основной тезис. Вслед за идеей перевода, интерпретации в аргументе Дэвидсона возникает представление об истинности как третьей необходимой характеристики мысли. Понимание речи другого возможно, поскольку переводчик располагает сведениями, при учете которых, во-первых, высказывание является истинным, а, во-вторых, истинными оказываются и все связанные с ним высказывания. «Например, переводчик с русского языка знает, что если предложение “Пистолет заряжен, и дверь закрыта” истинно, то предложение “Дверь закрыта” также истинно. Предложения языка располагаются в логическом пространстве, образованном структурой отношений такого рода»¹². Согласно Дэвидсону, наше представление о том, как устроено логическое пространство мышления и каким образом оно связано с языком, находит выражение в концепции действия здравого смысла. Используемая в ней модель телеологического объяснения основывается на понятиях желаний и убеждений, которые в объяснении выступают в качестве причин действия. В конечном итоге обнаруживается связность и преемственность в поведении субъекта, выявляемая на основе связей между желаниями и убеждениями, следующими за одними действиями и предвещающими последующие. Рациональность такого объяснения опирается на имплицитное предположение, что любой субъект, имеющий тот же комплекс убеждений и желаний, совершит то же действие, что и субъект, чье поведение объясняется. Однако поскольку в отличие от самого действия, желания и убеждения недоступны нам непосредственно, то возможно допустить существование двух и более совокупностей установок, которые приводят к одному и тому же результату. Это ведет к возникновению вопроса о критерии выбора между ними. С целью устранения этого затруднения Дэвидсон отсылает к теории принятия решения в условиях неопределенности Ф. Рамсея¹³, в которой учитывается не только насколько желателен тот или иной результат, но и с какой степенью вероятности, придерживаясь определенных линий поведения, возможно достичь такого результата. Таким образом, мы учитываем силу предпочтения и степень убежденности в какой-либо идее.

Все стандартные пути проверки истинности теории принятия решения в условиях неопределенности опираются на использование языка. Приписывание желаний и убеждений идет рука об руку с интерпретацией речи. Она в качестве своего базиса предполагает теорию истинности высказывания, поскольку только предположение существования истинной интерпретации делает ее самой возможной. Дэвидсон отсылает нас к теории истины Тарского, адаптированной для естественных языков. Если мы знаем, что говорящий считает свое высказывание истинным и нам известно, как его интерпретировать, то этого достаточно для того, чтобы корректно приписать говорящему наличие того или иного убеждения. Таким образом, истинность предложения базируется на двух факторах: значении, которое вкладывает говорящий, и имеющемся у него убеждении. Однако, что важно для теории интерпретации Дэвидсона, говорящий может ошибаться. В совокупности его убеждений встречаются и ложные. Сталкиваясь с ними, мы оказываемся

¹¹ Дэвидсон Д. Мышление и речь. С. 224.

¹² Там же. С. 225.

¹³ Ramsey F.P. Truth and Probability // Ramsey F.P. Foundations of Mathematics. N.Y., 1950. P. 166–184.

в ситуации рассогласования между статусом предложения «принимаемое за истинное» и статусом «являющееся истинным». Значимо то, что установка субъекта «принимать за истинное» является убеждением, и именно оно может оказаться ложным. Основанием для его идентификации в качестве такового служит публичная объективная истина, т.е. совокупность убеждений, существующих в том или ином языковом сообществе и призванных увеличивать в нем степень согласия.

Введение понятия объективной истины и возможности ошибки в теорию интерпретации предполагает также, что субъект – участник сообщества переводчиков должен иметь и понятие убеждения, а не просто те или иные убеждения. Это необходимо, поскольку понятие убеждения выступает основой для соотнесения личного убеждения с нормами сообщества, существующими в языке. Невозможно иметь убеждение без понятия о нем, поскольку его наличию всегда сопутствует возможность ошибки как следствие имеющейся у говорящего способности различать истину и ложь. «<...> только существо, которое может интерпретировать речь, может иметь понятие мысли»¹⁴. Отсутствие языковой способности делает для животных недоступным наличие когнитивных состояний второго порядка, а это необходимое условие для наличия мышления. Мысль невозможна без того, чтобы субъект мог утверждать ее истинность. В свою очередь истинность мысли невозможна без языка. Животные в силу отсутствия у них языка не могут претендовать на членство в сообществе мыслителей.

2. Интерпретивизм Д. Джеймисона

Джеймисон, профессор экологических исследований и философии Нью-Йоркского университета, согласен с Дэвидсоном в том, что мыслить означает, в первую очередь, иметь психологические состояния, выразимые в пропозициональных установках с помощью глаголов, обозначающих намерение, убеждение, сомнение и т.п. В сборнике «Философия сознания животных» под редакцией Роберта Лёрца¹⁵ опубликована статья Джеймисона «О чем думают животные?»¹⁶, в которой он дает свой ответ на этот вопрос. Если интерес Дэвидсона к проблематике мышления животных имеет сугубо теоретический характер и связан с общим контекстом его работы по созданию концепции языкового значения, то мотив Джеймисона прагматико-эпистемологический. С его точки зрения, основная трудность в решении вопроса о мышлении животных связана с тем, что большая часть людей интуитивно соглашается с двумя утверждениями:

- (1) Многие животные мыслят.
- (2) О чем именно животные мыслят в конкретных ситуациях, не может быть достоверно установлено.

¹⁴ Дэвидсон Д. Мышление и речь. С. 242.

¹⁵ Роберт Лёрц (Robert Lurz) профессор философии Бруклинского колледжа Городского университета Нью-Йорка, специализирующийся на изучении сознания животных. Он является автором первого философского исследования способности майндринга у животных. См.: Lurz R. Mindreading Animals: The Debate over What Animals Know about Other Minds. Cambridge (MA), 2011.

¹⁶ Jamieson D. What do animals think? // The Philosophy of Animals Minds. N.Y., 2009. P. 15–34.

Они противоречат друг другу и соответственно не могут быть одновременно истинными. Джеймисон анализирует четыре попытки снять противоречие. Три из них он отвергает и в качестве четвертой предлагает собственный подход.

Он начинает свой анализ с рассмотрения элиминативизма, принимающего истинность утверждения (2) и отрицающего (1). В чистой форме он представляет собой разновидность верификационизма. Если допустить, что утверждать можно только то, истинность чего может быть непосредственно верифицирована, то эту операцию не осуществить в отношении утверждения (1). Джеймисон показывает абсурдность верификационистского тезиса, отсылая к научным фактам. Так, разговор о черных дырах невозможен, поскольку истинность любого утверждения о них не может быть напрямую верифицирована в силу отсутствия возможности их наблюдения.

Позицию Дэвидсона он также относит к числу элиминативистских. Как мы показали выше, согласно дэвидсоновскому подходу, мышление предполагает наличие достаточно сложной системы репрезентаций, в которой могли бы найти отражение тонкие различия между убеждениями. В ней необходимы убеждения второго порядка, касающиеся вопроса об истинности или ложности убеждений низшего порядка. Возражение Джеймисона строится на основе отрицания представления Дэвидсона о том, что обладание разнообразными пропозициональными установками основывается на языке. Даже если допустить необходимость языка для формирования пропозициональных установок, то из этого еще не следует, что это должен быть публичный язык. Джеймисон допускает, что репрезентативную функцию мог бы выполнить и язык мышления Д. Фодора¹⁷. Как функциональный аналог публичного языка он может обеспечить возможность наделяния убеждений тождественным содержанием без того, чтобы предполагать уровень объективных и публичным образом определяемых истин. К тому же, с точки зрения Джеймисона, как повседневные, так и научные наблюдения за животными содержат поведенческие свидетельства того, что они способны удивляться, а значит, сомневаться в имеющихся у них ожиданиях от окружающей среды¹⁸. Таким образом, какой-то аналог убеждений второго порядка, касающихся истинности, может быть доступен животным.

На наш взгляд, простой отсылки к гипотезе языка мышления Фодора недостаточно для опровержения теории Дэвидсона. Отрицание значимости публичного языка для формирования содержательных убеждений предполагает недопонимание последней. Содержание убеждений, согласно концепции Дэвидсона, не возникает отдельно от сосуществования с ним убеждений второго порядка, касающихся вопроса истинности. Убеждение обретает свою идентичность там и тогда, когда возможно поставить вопрос о его истинности, а это осуществимо только при наличии публичного языка как гаранта объективной истины. Джеймисон же для удобства своей аргументации отделяет вопрос об истинности от публичности языка и, как ему кажется, продемонстрировав несостоятельность гипотезы о связи между ними, движется дальше к отрицанию следующей концепции: непродуманного (wet) элиминативизма.

¹⁷ Fodor J. *The Language of Thought*. Cambridge (MA), 1975.

¹⁸ Tomasello M., Call J., Hare B. Chimpanzees Understand Psycho- Logical States – the Question is Which Ones and to What Extent // *Trends in Cognitive Science*. 2003. No. 7. P. 153–156.

Данная концепция в измененной форме принимает утверждение (1): животные могут обладать состояниями, напоминающими убеждения. Таким образом допускается градуальность в отношении убеждений: если принять за стандарт убеждения человека, то у разных животных мы можем обнаружить состояния, в большей или меньшей степени сходные с человеческими. Однако такого рода допущение базируется на возможности обозначения критерия различия степеней сходства психологических состояний животных и человека. Данная задача выглядит невыполнимой, поскольку исходным положением этой концепции является отсутствие возможности выявления четкого критерия.

Третья концепция, разбираемая Джеймисоном, – теория примитивного содержания (theory of brute content). В ней утверждение (2) принимается в слабой форме. Первая ее версия представлена в работах Фодора, который допускает, что мысль в формате репрезентации буквально прописана в нервной системе животного. Отсутствие у нас знания, о чем думают животные, – следствие нашей неспособности считать такой «текст». Второй версии данной теории примитивного содержания Джеймисон дает имя фрегеанской. Согласно ей, факт наличия мыслей у животных не ставится под вопрос. Однако получить к ним доступ можно только изнутри самого сознания животного. Представление о зазоре между знанием, фактически имеющимся в нашем распоряжении, и теоретически существующим, импонирует многим исследователям. Однако Джеймисон отвергает данное допущение. Такая «картезианская» понятийная парадигма оказывается слишком ограниченной для того, чтобы учитывать множество факторов, влияющих на приписываемые нами мышления другим существам.

Собственная теория интерпретивизма Джеймисона (interpretivism) в качестве исходного пункта имеет прагматическую задачу поиска решения: люди желают жить в понятном им мире и успешно взаимодействовать с другими существами, действующими в нем. Необходимым условием для этого является совершение действий исходя из допущения, что нас окружают существа, поведение которых мы способны понять. Знание контекста, объем общих представлений о мире, информация о конкретном деятеле, представление об условиях его существования – все оказывает влияние на формирование наших установок. Наделение значением действия другого деятеля может быть как истинным, так и ложным. Критерием истинности, согласно Джеймисону, выступает идея успеха. Иными словами, он считает, что приписывание определенных убеждений агенту является лишь одним из многих способов наделения смыслом как своих действий, так и действий других.

Ключевая идея интерпретивизма – предположение глубинной связи между тем, о чем мыслит организм, и какие мысли приписывает ему интерпретирующий. Джеймисон предлагает не останавливаться на обсуждении трудностей, возникающих в связи с допущением такого рода связи, а обратиться к преимуществам интерпретивизма. К ним он относит, во-первых, представление о том, что содержание мышления возникает в результате взаимодействия организма с интерпретирующим, а не является записью в мозге или сознании. Во-вторых, интерпретивизм допускает привилегию перспективы второго и третьего лица, а не первого. Ответ на вопрос, о чем думает животное в конкретной ситуации, дается из перспективы второго или третьего лица. В-третьих, утверждение, что нам неизвестно, о чем думают животные в конкретных ситуациях, отрицается на основе допущения

наличия глубинной связи между двумя организмами. Так представленный интерпретивизм напоминает интенциональную установку Д. Деннета¹⁹. Сам Джеймисон отмечает это, однако полагает, что позиция первого может быть сведена к простому желанию эмпирика устранить разного рода «внутренние» сущности, недоступные для публичного наблюдения.

Джеймисону остается лишь адаптировать интерпретивизм к вопросу о мышлении животных. По его мнению, нет существенной разницы между животными и людьми, когда интерпретирующий дает объяснение действиям другого деятеля. Тот или иной эксперимент, посвященный определению того, чего же именно желает животное, не устраняет возможность множества различных интерпретаций. Решающее значение имеет то, что думает сам наблюдатель, из каких установок он исходит. В случае человека у нас есть возможность задать ему вопрос относительно его желания, убеждения, мотивации, но его ответ – это в свою очередь еще одна разновидность поведения, также подлежащая пониманию в условиях наличия множества различных способов интерпретации. Более того, каждому из нас может быть знакома ситуация, когда другого деятеля он понимает лучше самого себя. Приращение значимости перспективы первого лица в интерпретивизме происходит потому, что люди вынуждены сами себя интерпретировать (как *self-interpreting creatures*). Джеймисон стирает значимость различия между говорящим человеком и молчащим животным. Сформулированный в его изложении интерпретивизм не отсылает напрямую ни к Куайну, ни к Деннету, ни к Дэвидсону, но представляет собой манифест по приращению значимости перспективы первого лица в процессе понимания и интерпретации в межличностной коммуникации.

3. Протологицизм Х.Л. Бермудеса

Особое место в полемике о мышлении животных занимает работа Х.Л. Бермудеса «Мышление и протологика животных»²⁰ из сборника 2006 г. «Разумные животные?» под редакцией С. Харли и М. Наддса. Задача проекта Бермудеса – определение концептуальной возможности существования логических заключений в отсутствии репрезентативной системы языка. Если удастся дать описание форм умозаключений без опоры на язык и объяснить их без предположения наличия у животного основных логических понятий, то из этого допустимо заключить, что допущение рациональности у животных является логически возможным. Данные условия важно соблюдать, поскольку именно язык делает возможным мысль о мысли. В монографии «Мышление без слов»²¹ Бермудес называет акт второго порядка интенциональным возвышением (*intentional ascent*). Для его осуществления необходимо, чтобы у мысли был лингвистический носитель. Именно язык позволяет выявлять внутреннюю структуру мыслей, изучение которой составляет предмет логики. Познание истинности как характеристики мысли также возможно только при условии возможности интенционального

¹⁹ См.: *Dennett D.C. The intentional stance. Cambridge (MA), 1987.*

²⁰ *Bermudez J.L. Animal Reasoning and Proto-logic // Rational Animals? Oxford, 2006. P. 127–137.*

²¹ *Bermudez J.L. Thinking without Words. N.Y., 2003.*

возвышения, поскольку оно предполагает наличие в уме одной мысли, которой приписывается свойство высшего порядка в форме другой мысли.

Бермудес, выполняя обозначенные им условия, выявляет три формы умозаключения, возможные на нелингвистическом уровне. Их совокупности он дает наименование протологики. В ее состав входят: умозаключение на основе исключения альтернативы, гипотетический силлогизм, или *modus ponens*, и рассуждение от противного, или *modus tollens*. В логике эти три типа вывода представляются с помощью пропозициональных операторов дизъюнкции, импликации и отрицания. Следовательно, нужно найти путь понимания данных умозаключений без привлечения логического аппарата.

Реализацию данного проекта Бермудес начинает с упрощения задачи через поиск эквивалентов. Для умозаключения на основе исключения альтернативы таковым оказывается условное умозаключение (*conditional reasoning*). Пусть А обозначает «Газели отсутствуют у водопоя», а В – «Лев отсутствует у водопоя». Дизъюнкция «А или В» с точки зрения истинности эквивалентна условному умозаключению «Если не А, то В». Далее Бермудес находит способы понимания аналогов отрицания и условного высказывания без совершения акта интенционального возвышения.

Протоотрицание, с его точки зрения, представляет собой мысль, в качестве предиката которой выступает одна из пары противоположностей: отсутствие-присутствие, безопасность-опасность. Существа без языка не могут осознать понятие противоречия, поскольку из этого следует, что они должны были бы понимать, что два противоположных утверждения не могут быть истинными, а это, в свою очередь, опирается уже на представление о модальности и времени и с необходимостью предполагает интенциональное возвышение. Уверенность в том, что животные могут иметь пары противоположных понятий и использовать их в простейших умозаключениях, Бермудес обосновывает, проводя аналогию. Утверждение, согласно которому использование противоположных понятий предполагает наличие теоретического постижения понятия противоречия, не более правдоподобно, чем то, что использование числовых понятий предполагает теоретическое постижение понятия числа²².

Таким образом, если допустить возможность операции протоотрицания, основанной на примитивном понятии противоречия, то в нашем распоряжении оказывается инструмент для введения двух примитивных форм вывода, содержащих отрицание.

Так, умозаключение на основе исключения альтернативы может быть преобразовано в обычное условное умозаключение, если основную посылку представить в виде условного высказывания. «Если газель присутствует на водопое, то лев отсутствует на водопое». Представленная таким образом мысль – результат умозаключения, основанного на факте того, что присутствие и отсутствие – противоположные понятия. Любое существо, располагающее таким понятийным аппаратом, способно осуществить и аналог рассуждения от противного (*modus tollens*). Достаточно представить первый этап рассуждения в виде условного высказывания, второй – в виде протоотрицания следствия, что, в свою очередь, приведет к протоотрицанию основания. Бермудес для демонстрации использует тот же пример с животными на водопое: «Если газель присутствует на водопое, то лев отсутствует

²² Bermudez J.L. Animal Reasoning and Proto-logic. P. 132.

на водопое. Лев сейчас присутствует на водопое. Значит, газель отсутствует на водопое». Валидность такое умозаключение получает не за счет формы, а по причине того, что в его основе лежит конкретная пара противоположных понятий. Тогда как в оригинальном *modus tollens* переход осуществляется на основе правил вывода. Они предполагают акт интенционального восхождения, а значит, и язык.

На следующем этапе разработки протологики Бермудес переходит к решению еще более сложной задачи: поиску предшественника условного оператора и объяснению его функционирования в отсутствие языка. В логике высказываний данный оператор позволяет сформировать сложную мысль из двух простых, при этом результат их сложения будет истинным во всех случаях, за исключением того, когда первая мысль истинна, а вторая ложна. Очевидно, что такое рассуждение предполагает интенциональное возвышение. Возникает вопрос, каким еще образом может быть представлена связь двух компонентов. Бермудес находит ее в отношении причинно-следственной связи. Если в условном умозаключении посредством оператора устанавливается отношение истинности между мыслями, то каузальное умозаключение о причинах основывается на отношении причинности между двумя положениями дел. Следовательно, возможно допустить, что для каузального умозаключения не требуется интенциональное возвышение и язык. Однако речь здесь идет не об инструментальном обусловливании, представление о котором возникает у животного, когда оно замечает, что изменения в окружающей среде возникают в ответ на его воздействия. Причинное отношение, предполагаемое в каузальном умозаключении, не должно быть связано с воздействиями самого деятеля, что подчеркивает Бермудес в рамках своей полемики с Р. Милликан²³.

В экспериментах психолога А. Лесли демонстрируется, что младенцы и животные знакомятся с отношением причинности довольно рано по шкале индивидуального развития²⁴. Отчасти это объяснимо с позиции эволюционной теории: различать случайное следование и причинные регулярности – навык, необходимый для выживания в изменчивой среде обитания. Однако понятие об отношении причинности формируется только с помощью языка, поскольку оно предполагает понимание модальности: невозможно, чтобы причина была, а ее следствие не возникало. В отсутствие языка представление о причинности сводится к фиксации регулярностей в окружающей среде. Не любые связи между явлениями принимаются за причинные. Различать простые ассоциации и регулярные связи способны высшие приматы²⁵. Младенцы в возрасте нескольких месяцев имеют представление, согласно которому только предметы, непосредственно физически контактирующие, могут взаимодействовать причинным образом. Регулярности, которые способны воспринимать животные, не должны быть абсолютными, не допускающими исключений. Протопричинное понимание, таким образом, выступает основанием для протоусловного умозаключения. Тем самым, гипотетическое умозаключение получает свою реализацию на уровне рассуждения без языка.

²³ Millikan R.G. Language, Thought and Other Biological Categories. Cambridge (MA), 1984.

²⁴ Leslie A.M. The Perception of Causality in Infants // Perception. 1982. No. 11. P. 173–186.

²⁵ См. эксперименты Колла: Call J. Descartes' Two Errors: Reason and Reflection in the Great Apes // Rational Animals? Oxford, 2006. P. 219–234.

Бермудес довел до конца выполнение своей задачи по преобразованиям отрицания и условного высказывания, необходимых для установления аналогов основных форм вывода в логике. Аналогом отрицания на уровне протологики оказалось умение использовать пары противоположных понятий, а аналогом условного высказывания – способность отслеживать причинные связи между событиями. Исходная задача – показать концептуальную возможность протомышления в отсутствие языка – оказалась решена.

Протологика представляет собой оригинальный подход, однако для его дальнейшего развития необходимо решить вопрос о соответствии форм протомышления мышлению как таковому (*congruity problem*). В противном случае указание на то, что концепция Бермудеса не имеет никакого отношения к языковому мышлению как основному объекту изучения когнитивных исследований, станет одним из аргументов против нее. В результате позиция лингвизма Дэвидсона окажется непреодоленной. Для защиты протологицизма необходимо выявить основание, опираясь на которое можно было бы заключить, что те формы понятий, умозаключений и вывода, которые могут быть реализованы без лингвистического носителя, тем не менее представляют собой формы подлинного мышления.

Философ университета Цюриха, специалист по философии языка и мышления животных Х.-И. Глок считает необходимым с этой целью обратиться к понятию суждения как одной из составляющих классической формальной логики²⁶. С его точки зрения, существенной для суждения как формы мышления является способность различения (*discrimination ability*), которая в равной мере присуща и живым видам без языка, и человеку²⁷. Судить, согласно Глоку, – означает выбирать между возможностями посредством различения объектов, отнесенных к тому или иному типу. Так, пес в процессе преследования кошки может не дифференцировать дуб и березу (что он должен был бы делать, чтобы соответствовать критерию холизма Дэвидсона), однако на основе его поведения мы можем заключить, что он различает деревья, норы и руки хозяев как различные типы потенциальных убежищ преследуемых им животных.

Способность животных мыслить в форме суждения предстает перед исследователями при решении задач на сортировку и различение, предполагающих осознанный выбор той или иной опции среди имеющихся для реализации конкретной цели. Наилучшим примером здесь может послужить орудийная деятельность высших приматов. Шимпанзе способны изготавливать особые орудия для извлечения термитов из гнезда, осуществляя поиск материала для изготовления орудия на обширной территории и перенос орудия к термитнику. При этом орудия, которые они используют для извлечения кочевых муравьев из гнезда, будут отличаться по материалу и способу изготовления²⁸.

²⁶ С точки зрения Глока, использование понятийного аппарата пропозициональной логики в дискуссиях о мышлении животных является неуместным и непродуктивным.

²⁷ *Glock H.-J. Can Animals Judge? // Dialectica. 2010. Vol. 64. No. 1. P. 11–33.*

²⁸ *Tomasello M., Call J. Primate Cognition. Oxford, 1997.*

Заключение

Если в рассмотренных выше концепциях Дэвидсона и Джеймисона вопрос о мышлении животных служит поводом для обозначения границ человеческой рациональности или способности интерпретации, то работа Бермудеса полностью посвящена обозначению основных принципов мышления животных. Логика и рассуждение представляют собой способ выйти за рамки непосредственно данного здесь и сейчас. Бермудес создает понятную основу для рассмотрения животных как рациональных деятелей, способных планировать и корректировать свою деятельность на основе имеющихся у них представлений.

Общая стратегия исследователей, утверждающих возможность мышления без языка, заключается в том, чтобы поколебать основную установку лингвизма Дэвидсона, опирающегося на холизм системы убеждений и нормативность мышления. Так, Бермудес показывает, что простых эмпирических понятий «безопасность-опасность», «присутствие-отсутствие» достаточно для того, чтобы допустить возможность протоотрицания в мышлении животных. Данная операция осуществима в отсутствии понятия убеждения, без которого в системе взглядов Дэвидсона усмотрение логического отношения противоречия невозможно. Протологицизм Бермудеса ставит под вопрос предпосылку лингвизма Дэвидсона, согласно которой нормативность мышления, представление об истинности убеждений субъекта не может быть реализована без языка. Протоумозаключения животных свидетельствуют о наличии у них убеждений и способности идентифицировать ошибки в системе убеждений. Выявления Глоком базовой операции суждения при решении животными практических задач на различение позволяет также допустить наличие форм мышления, реализуемых и в языке, и без него. Таким образом гипотеза о наличии у животных способности мыслить получает свое обоснование и может разрабатываться далее.

Список литературы

- Бекофф М. Эмоциональная жизнь животных / Пер. с англ. У.А. Гончаровой. СПб.: Весь, 2010. 199 с.
- де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / Пер. с англ. Н. Майсурияна. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 350 с.
- Горбатова Ю.В. (Без)думные твари: что значит «мыслить» и нужен ли для этого язык // Философия. 2018. Т. II. № 4. С. 93–106.
- Дэвидсон Д. Мышление и речь / Пер. с англ. М.В. Лебедева // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. С. 221–243.
- Карабыков А.В. Проблема «языка» и мышления животных в философских доктринах начала Нового времени // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 35–41.
- Куайн У. Слово и объект / Пер. с англ. А.З. Черняк, Т.А. Дмитриев. М.: Логос; Праксис, 2006. 386 с.
- Bermudez J.L. Thinking without Words. N.Y.: Oxford University Press, 2003. 226 p.
- Bermudez J.L. Animal Reasoning and Proto-logic // Rational Animals? / Ed. by S. Hurley and M. Nudds. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 127–137.
- Call J. Descartes' Two Errors: Reason and Reflection in the Great Apes // Rational Animals? / Ed. by S. Hurley and M. Nudds. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 219–234.
- Davidson D. Rational Animals? // Dialectica. 1982. Vol. 36. No. 4. P. 317–327.

- Dennett D.C. The intentional stance. Cambridge (MA): The MIT Press, 1987. 388 p.
- Fodor J. The Language of Thought. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1975. 214 p.
- Glock H.-J. Can Animals Judge? // *Dialectica*. 2010. Vol. 64. No. 1. P. 11–33.
- Jamieson D. Science, Knowledge, and Animal Minds // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1998. Vol. 98. P. 79–102.
- Jamieson D. What do animals think? // *The Philosophy of Animals Minds* / Ed. by R. Lurz. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 15–34.
- Leslie A.M. The Perception of Causality in Infants // *Perception*. 1982. No. 11. P. 173–186.
- Lurz R. Mindreading Animals: The Debate over What Animals Know about Other Minds. Cambridge (MA): The MIT Press, 2011. 264 p.
- Millikan R.G. Language, Thought and Other Biological Categories. Cambridge (MA): The MIT Press, 1984. 355 p.
- Ramsey F.P. Truth and Probability // *Ramsey F.P. Foundations of Mathematics*. N.Y.: Humanities Press. 1950. P. 166–184.
- Tomasello M., Call J. Primate Cognition. Oxford: Oxford University Press, 1997. 528 p.
- Tomasello M., Call J., Hare B. Chimpanzees Understand Psycho-Logical States – the Question is Which Ones and to What Extent // *Trends in Cognitive Science*. 2003. No. 7. P. 153–156.

Can animals think? Lingualism, interpretivism and proto-logic*

Daria V. Chirva

ITMO University. 49 Kronverksky Pr., Saint-Petersburg, 197101, Russian Federation; e-mail: dashachirva@gmail.com

An author aims to represent and analyze three ways of answering the question about the sense in which we can attribute thinking and reasoning to non-human animals. Debates on rationality and reasoning in animals is a novel area of research in the context of Russian philosophy today. The basic difficulty of research of animal thinking is connected with the existence of language barrier between people and other non-linguistic creatures. The absence of language capacity was equaled to the inability to think in terms of classic philosophy. Davidson's argument that is considered in the article supports this claim. It rests on linguistic holism. Along with this negative conception of animal thinking the author of the article analyzes two positive conceptions. Firstly, it is Jamieson's interpretivism, which is based on the second-person and third-person perspective in the process of interpretation. This approach denies any difference in understanding human and animal behavior. Secondly, it is the concept of proto-logic elaborated by J.L. Bermudez. According to the author of the article this approach is promising for a further development of the relevant field of research. Bermudez doesn't reduce the problem of animal thinking to the characteristic features of human thinking and reasoning. He demonstrates a mere theoretical possibility of the existence of thinking beyond the representational system of language. As the author concludes, protologic provides the basis for the philosophical investigation of the problem of thinking in non-human animals.

Keywords: thinking in animals, reasoning, linguistic barrier, language, lingualism, interpretivism, proto-logic, Bermudez, Davidson, Glock, Jamieson

For citation: Chirva, D.V. "Mogut li zhivotnye myslit"? Kontseptsii lingvizma, interpretivizma i protologitsizma" [Can animals think? Lingualism, interpretivism and proto-logic], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 4, pp. 37–51. (In Russian)

* The article has been prepared for publication with financial support from Russian Foundation for Basic Research, project No. 18–311–20004 "The epistemic potential of functional and neurobiological approaches to intentionality".

References

- Bekoff, M. *Emotsional'naya zhizn' zhivotnykh* [Emotional lives of animals], trans. by U.A. Goncharova. St. Petersburg: Ves' Publ., 2010. 199 pp. (In Russian)
- Bermudez, J.L. *Thinking without Words*. New York: Oxford University Press, 2003. 226 pp.
- Bermudez, J.L. "Animal Reasoning and Proto-logic", *Rational Animals?*, ed. by S. Hurley and M. Nudds. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 127–137.
- Call, J. "Descartes' Two Errors: Reason and Reflection in the Great Apes", *Rational Animals?*, ed. by S. Hurley and M. Nudds. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 219–234.
- Davidson, D. "Rational Animals?", *Dialectica*, 1982, Vol. 36, No. 4, pp. 317–327.
- Davidson, D. *Myshlenie i rech'* [Thought and Talk], trans. by M.V. Lebedev, in: D. Davidson, *Istina i interpretatsiya* [Inquiries into Truth and Interpretation]. Moscow: Praksis Publ., 2003, pp. 221–243. (In Russian)
- Dennett, D.C. *The intentional stance*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1987. 388 pp.
- Fodor, J. *The Language of Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. 214 pp.
- Glock, H.-J. "Can Animals Judge?", *Dialectica*, 2010, Vol. 64, No. 1, pp. 11–33.
- Gorbatova, Yu.V. "(Bez)dumnye tvari: chto znachit'myslit' i nuzhen li dlya etogo yazyk" [Thought(less) Brutes. What Does It Mean to Think, and Whether a Language is Prerequisite for Thinking], *Filosofiya*, 2018, Vol. II, No. 4, pp. 93–106. (In Russian)
- Jamieson, D. "Science, Knowledge, and Animal Minds", *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1998, Vol. 98, pp. 79–102.
- Jamieson, D. "What do animals think?", *The Philosophy of Animals Minds*, ed. by R. Lurz. New York: Cambridge University Press, 2009, pp. 15–34.
- Karabykov, A.V. "Problema "yazyka" i myshleniya zhivotnykh v filosofskikh doktrinach nachala Novogo vremeni" [Problem of language and thinking in animals in philosophical theories of the early Modern Age], *Vestnik of Tomsk State University*, 2013, No. 366, pp. 35–41. (In Russian)
- Leslie, A.M. "The Perception of Causality in Infants", *Perception*, 1982, No. 11, pp. 173–186.
- Lurz, R. *Mindreading Animals: The Debate over What Animals Know about Other Minds*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2011. 264 pp.
- Millikan, R.G. *Language, Thought and Other Biological Categories*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1984. 355 pp.
- Quine, W.V.O. *Slovo i ob'ekt* [Word and object], trans. by A.Z. Chernyak and T.A. Dmitriev. Moscow: Logos Publ.; Praksis Publ., 2006. 386 pp. (In Russian)
- Ramsey, F.P. "Truth and Probability", in: F.P. Ramsey, *Foundations of Mathematics*. New York: Humanities Press, 1950, pp. 166–184.
- Tomasello, M. & Call, J. *Primate Cognition*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 528 pp.
- Tomasello, M., Call, J. & Hare, B. "Chimpanzees Understand Psycho-Logical States – the Question is Which Ones and to What Extent", *Trends in Cognitive Science*, 2003, No. 7, pp. 153–156.
- Waal, F. de. *Dostatochno li my umny, chtoby sudit' ob ume zhivotnykh?* [Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?], trans. by N. Maisuryan. Moscow: Alpina Non-Fiction Publ., 2017. 350 pp. (In Russian)